

# Великий и могучий олбанский изыг

## ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Недавно вышедшая книга М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» разошлась мгновенно. Накипело. Вот возьмём пресловутый «олбанский язык», то есть самый что ни на есть русский, но с намеренно искажённой орфографией.

Его создатели и апологеты пишут «Превед!», ожидая, что, прочтя этого уродца вслух, читатель догадается, что перед ним старый добрый «Привет!»: ведь безударное «е» всё равно у нас читается как «и», а «д» на конце – как «т». Так не всё ли равно как писать? Или, например, «расчёт»: одинаково произносятся какие-нибудь «ращод», «рошчот», «розчодт» и так далее. Ну так и давайте писать, как слышим. Пишут же белорусы «гара» вместо «гора», и ничего. Так что и «олбанский» – это вроде бы тот же «албанский», только в смысле такой вот причудливо записанный русский.

Зачем несчастным школярам тратить годы на запоминание того, когда частица «не» пишется слитно, а когда – отдельно? И что «цирк» надо писать через «и», а «цыган» и «огурцы» – через «ы», хотя произносится всё равно только «ы»? Ну ладно, допустим «вода» пишется через «о», потому что в «воды» это «о» слышится. А «собаку»-то за что мы пишем через «о»? И «корову»! Долой! Отречёмся, так сказать, от старого мира, отряхнём его прах с наших ног. «Сабака» будет так же лаять и кусаться, а «карова» бодаться и давать молоко.

Споры по поводу «олбанского» идут давно, конца им не видно. Ну а в самом деле: как к этому относиться? С одной стороны – сущее безобразие. Конечно, перед нами своеобразная языковая игра, которую затеяли люди, самокритично называющие себя «падонками». Но одно дело так пошутить, а другое – привыкнуть и начать так писать школьные сочинения. Руки учителей-русистов схватятся у кого за валидол, у кого – за пистолет. Испокон веку быть грамотным в России означало прежде всего грамотно писать и только потом уже – грамотно говорить, уметь красиво и точно выражать свои мысли. Русская орфография трудная, множество правил и ещё больше – исключений; людей, безупречно знающих правописание, – всего ничего. Слабое утешение, что китайцам с их тысячами иероглифов ещё труднее.

И вот, похоже, наступила пора переоценки ценностей, смена стратегии языкового поведения. В языковое пространство хулиганской толпой, с гиканьем и свистом ворвалась воинствующая молодёжь, те самые «падонки». В первые годы после революции футуристы предлагали «сбросить Пушкина с парохода современности», теперь за борт летит традиционная орфография. И есть основания опасаться, что наши дети, для которых нынче авторитет компьютера куда выше, чем учительский, примут «олбанскую» орфографию за общепринятую. Игра превратится в ошибку. И тогда прощай грамотность, как мы её понимали.

На одной из передач по «Культуре» как-то с тоской вспоминали, как изящно, как «вкусно» говорили русские

эмигранты первой волны, речь которых не была отравлена мутным потоком послереволюционного жаргона, грубым языком низов общества. Не только слова, сама интонация, отдельные звуки речи были красивее, чем наши нынешние, с «советским акцентом».

Впрочем, нынешний «акцент» одной порчей объяснить нельзя. Язык развивается по своим собственным законам и редко обращает внимание на воздействие со стороны. Появляются новые понятия, предметы, действия и признаки, и всё это надо как-то выразить. Конечно, можно буквально перевести все эти «агрейдеры», «клики», «флешки», «экшны» и прочие «провайдеры», только зачем? Если весь мир эти слова усвоил и прекрасно ими обходится.

Иные слова полностью меняют значение. Пусть старшие читатели этих строк спросят у детей или внуков, что такое в компьютере «клава» или «железо». А старые слова потихоньку уходят в тень. Мы уже с трудом понимаем даже язык начала XIX века. Вспомнился забавный эксперимент, проведённый нашими филологами. Маленьких детей попросили объяснить, как они понимают пушкинское «Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая. Ямщик сидит на облучке в тулупе, в красном кушаке». По мнению юных читателей, бразды – это такие зверюшки (пушистые же!), кибитка похожа на «кубитку», в общем, это такой самолёт в виде куба, который летит и взрывает бедные бразды. Ямщик – это мужик, который копает ямы, сидит он на... ну, в общем на чём мы все сидим. И так далее. И не думайте, что в такой просак попадают только наши наивные несмышлёныши. Почитайте комментарии к «Евгению Онегину», написанные нашим великим филологом и культурологом Ю. М. Лотманом, и вы увидите, что с первой же строки пушкинского шедевра множество слов и выражений вы понимаете неправильно или вовсе не знаете, что это такое.

Так что делать? Интернет вернул нас в доорфографическую эпоху, когда все писали вот именно так, как эти самые «падонки»: выучивали алфавит и начинали писать письма на бересте. Так что, может быть, всё правильно? Вспомним, что тот же Пушкин советовал учиться языку у московских просвирен, то есть у простонародья.

Всё так. Но Пушкин (Карамзин, Крылов, Гоголь, Тютчев, Грибоедов, Толстой) не только учились у просвирен, они и просвирен постепенно учили прекрасному и чистому русскому языку. Свобода – замечательная вещь, только не надо путать её с волей. Как говорится, моя свобода размывается руками кончается там, где начинается нос соседа. А воля – это свобода, не ограниченная ничем, недаром русские террористы называли свою организацию «Народная воля», а зверь, выравшийся

из клетки «на волю», угрожает человеческой жизни. Вольное обращение с родным языком – это очень опасно, это угроза самому существованию языка, а значит и общества. Языковая норма сейчас донельзя расшатана. Орфография – часть национальной культуры. Она воспитывает уважение к этой культуре.

Довольно много лет назад наши ведущие филологи предприняли было попытку несколько подправить нашу орфографию, убрать кое-какие исключения, упростить кое-какие правила, в общем сделать нашу жизнь немного легче. Что тут началось! На несчастных учёных обрушился шквал возмущения. И академик, и герой, и мореплаватель, и плотник – все слали и слали письма с протестами. Даже просвещённым людям казалось, что если «огурцы» начать писать через «и» («огурци»), то так и придётся теперь произносить. «Я такие «огурци» есть не буду!» – помнится, патетически восклицал писатель Леонов. А ещё раньше А. Блок горевал по поводу исчезновения в его фамилии твёрдого знака на конце (Блок), ему тоже казалось, что пропало что-то важное и значительное. Перепуганные учёные мужи замолчали на десятилетия. И вот теперь их знамя подхватили озорные «падонки». И пошло-поехало.

А между тем орфография – это едва ли не единственное в языке, что поддаётся сознательному реформированию: вот решим писать букву «ё» с двумя точками – и будем! Введём в список школьных правил, будем ставить двойки за непослушание, и все будут покорно эти точки ставить.

Так что протесты консерваторов были, по-видимому, напрасны. Более того, может и нынешних «падонков» не появилось бы, будь наша орфография сегодня попроще. «Олбанский язык» – это своеобразный бунт против скучных правил и двоек за то, что в слове «жареный» поставил два «н», а в «обжаренный» – всего одно. Беда в том, что такие «олбанские» акции чреватые большими неприятностями для всей нашей культуры. Вроде как юные лимонковские национал-большевики, которые порой протестуют против вполне реального зла, но средства, которыми они пользуются, кроме как раздрозение, у окружающих не вызывают, и когда этих протестантов после очередного дебоша ведут в кутузку, вставать на их защиту хочется немногим. Александр Македонский был великий человек, но зачем же ступля ломать?

Да и вообще, когда слушаешь защитников традиционной орфографии, невольно начинаешь думать, что на деле тут теплится обида: я столько лет потратил на то, чтобы научиться грамотно писать, а они хотят, чтобы попроще? Не выйдет! Пусть мучаются, как мучались мы!..

И всё же. В том, чтобы что-то в орфографии изменить, нет ничего плохого, одно хорошее. Но вот яростно, с улюлюканьем раскачивать эту утлую лодочку могут разве что подонки – на этот раз через «о».

Не навреди!

**Владимир ЖЕЛЬВИС,**  
профессор ЯГПУ  
им. К. Д. Ушинского.